

ВСТУПЛЕНИЕ В ПРОЦЕСС СОИСТЦА

Старостенко О.С.

Научный руководитель – профессор Сахнова Т.В.

Сибирский федеральный университет

Необходимость вступления соистца в процесс обусловлена явлением, именуемым в гражданском процессе процессуальным соучастием. Несмотря на имеющиеся разногласия в определении этого понятия, большинство авторов сходятся в том, что под процессуальным соучастием следует понимать участие в одном деле нескольких истцов или нескольких ответчиков, состоящих друг с другом в одном спорном материальном правоотношении или в самостоятельных материальных правоотношениях¹. Соучастие в процессе объективно обусловлено природой материального правоотношения, которое в силу определенных обстоятельств становится спорным и при обращении лица за защитой своего субъективного права в суд становится предметом гражданского процесса. Однако не все ученые склонны видеть предпосылки процессуального соучастия именно в природе материального правоотношения, о чем пойдет речь далее.

Если исходить из данного выше определения процессуального соучастия (которое в последующем становится спорным и становится предметом гражданского процесса), когда несколько лиц являются предполагаемыми субъектами правоотношения, то в процессе должны участвовать все эти лица, права которых в таком случае могут быть затронуты решением, принятым судом. Однако практика зачастую складывается иным образом. Статья 362 ГПК РФ устанавливает, что разрешение судом вопроса о правах и обязанностях лиц, не участвующих в деле, является основанием для отмены решения суда. Так, решением Кировского районного суда г. Красноярск от 15.02.2000 г. был продлен срок для принятия наследства в отношении детей наследодателя Т. и Ф., обратившихся с соответствующим заявлением. Однако по надзорной жалобе Т., также являющегося наследником первой очереди, Президиум Краевого суда 16.01.2007 г. решение, принятое Кировским районным судом, отменил в связи с нарушением норм процессуального права ввиду того, что Т. к участию в процессе привлечен не был². Таким образом, в данном случае имело место основание для обязательного активного соучастия: Т., Ф. и Т., являясь наследниками по закону первой очереди, имеют одно общее основание своих прав на наследство – смерть их матери, наследодателя Т. В этом случае суд не может разрешить спор о правах и обязанностях Т. и Ф., не определяя прав и обязанностей третьего наследника по закону. И логично предположить, что для разрешения возникшей проблемы у суда должны быть какие-либо полномочия для привлечения к участию в деле иных предполагаемых субъектов спорного материального правоотношения. Однако действующий ГПК РФ предусмотрел подобную возможность только на случай обязательного пассивного соучастия: согласно абз. 2 ч. 3 ст. 40 ГПК РФ в случае невозможности рассмотрения дела без участия ответчика или ответчиков в связи с характером спорного правоотношения суд привлекает его или их к участию в деле по своей инициативе. Здесь мы можем видеть проявление одного из немногих полномочий суда *ex officio* в гражданском процессе. Однако стоит обратить особое внимание на то, что это полномочие есть у суда лишь в отношении ответчика. Истца же суд по своей инициативе привлечь в процесс не может, на что обратил вни-

¹ Мельников, А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. – М., 1969. – С.138-146.

² Справка Красноярского краевого суда от 30.09.2008 г. «О практике соблюдения норм гражданского процессуального законодательства при подготовке дел к судебному разбирательству» // Буква закона. – 2008. – № 52.

мание Пленум Верховного Суда РФ в п. 23 Постановления «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»¹. В частности, Пленум Верховного Суда РФ указал, что суд не вправе привлекать соистцов в процесс без их согласия. Иное, по мнению Пленума Верховного Суда, нарушит принцип диспозитивности гражданского процесса. Действительно следует согласиться, что принудить лицо к защите своего права нельзя. Защищать свое нарушенное право или нет, обратиться за защитой в специально уполномоченный на осуществление правосудия государственный орган – суд – или же воспользоваться негосударственной формой защиты, обратившись в третейский суд, дело самого гражданина, и ограничивать его в этом выборе недопустимо. Что касается формулировки, данной Верховным Судом РФ, о недопустимости привлечения соистцов *без их согласия*, то в литературе она вызвала неоднозначное понимание. Так, А. Юдин утверждает, что данным разъяснением Верховный Суд указал судам на возможность привлечения соистцов в процесс, но только с согласия последних². А.П. Фоков относительно данного положения высказал мнение о необходимости извещения судом лица, которое в силу природы спорного материального правоотношения может быть соистцом, но не проявило инициативы в защите своего права путем обращения в суд по имеющемуся в суде делу³.

При этом следует отметить, что по ранее действовавшему ГПК РСФСР 1964 г. у суда были более широкие полномочия в отношении истца. В частности, в соответствии со ст. 36, суд мог заменить не только ненадлежащего ответчика, но и ненадлежащего истца, однако на это требовалось согласие как первоначального истца, так и истца, вступающего в процесс. Впрочем в случае отказа истца от его замены на другое лицо это лицо могло вступить в процесс в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора.

На сегодняшний день судебная практика идет следующим путем: лицо, являющееся по своей сути соистцом, субъектом спорного материального правоотношения, рассматриваемого судом, привлекается в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. Так, Пленум Верховного Суда указал судам на необходимость при рассмотрении споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом, привлекать к участию в деле всех лиц, право собственности которых на дом зарегистрировано в установленном порядке либо предполагается в силу закона (например, супруга, если строение приобретено в период брака)⁴. Однако этот подход представляется не совсем верным: истец, а именно сторона в процессе – это, прежде всего, предполагаемый субъект спорного материального правоотношения, являющегося предметом процесса, в то время как третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований относительно предмета спора, субъектом правоотношения, не является, оно – субъект правоотношения, права которого могут быть затронуты принятым судом решением. Вместе с тем имеются различия и в сущностной характеристике указанных лиц: в гражданском процессе только истец, ответчик и

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» от 24.06.2008. – № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 9.

² Юдин, А. Изменение и лишение процессуального статуса лиц, участвующих в деле, в гражданском судопроизводстве / А. Юдин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – №1. – С. 10–14.

³ Фоков, А.П. О применении судами норм гражданского процессуального кодекса Российской Федерации о подготовке гражданских дел к судебному разбирательству / А.П. Фоков // Российский судья. – 2008. – №10. – С. 2–8.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом» от 10.06.1980 № 4 (ред. от 06.02.2007) // Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (РФ) по гражданским делам. – М., 1994.

третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, обладают как процессуальной, так и материальной заинтересованностью. Третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований, обладает лишь процессуальной заинтересованностью в деле. Как в свое время указывал Е.А. Нефедьев, «третье лицо [не заявляющее самостоятельных требований относительно предмета спора]..., вступая в процесс, просит не о признании за ним права, а лишь о признании со стороны суда существования фактов и о констатировании юридического отношения»¹. Третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований относительно предмета спора, не выполняет функцию иска, не играет, по меткому выражению Е.А. Нефедьева, наступательную роль в процессе, в отличие от истца². Кроме того, истец и третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований относительно предмета спора, обладают разным процессуальным статусом. Так, в соответствии со ст. 43 ГПК РФ, третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, лишены права на изменение основания, предмета иска, отказа от иска, заключение мирового соглашения. Это обусловлено отсутствием у данных субъектов непосредственной материальной заинтересованности в процессе. А самое важное – судебное решение выносится только в отношении сторон – истца и ответчика, права третьих лиц в решении суда по делу не определяются. Таким образом, ввиду обозначенных различий в природе правового статуса истца и третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, ввиду различного объема прав в процессе, привлечение предположительного субъекта спорного материального правоотношения, то есть, по сути, истца, в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, представляется не совсем корректным. Однако, за неимением в гражданском процессуальном законодательстве более удачного варианта разрешения данной ситуации, такую процедуру следует признать допустимой. И это, по мнению Конституционного Суда, не будет нарушением принципа диспозитивности гражданского процесса³.

Выше была рассмотрена ситуация, когда лицо, в силу природы спорного материального правоотношения, являющееся соистцом, не проявляет своей инициативы в защите нарушенного права и не обращается в суд совместно с другим предполагаемым субъектом спорного правоотношения, такую инициативу проявившим. Объективно возникает угроза принятия судебного решения, в котором будут разрешены права и обязанности не участвовавших в деле лиц, что будет являться безусловным основанием для отмены данного решения суда как незаконного в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 364 ГПК РФ. Привлечение истца в процесс принудительно, против его воли недопустимо в силу ограничений, налагаемых на суд принципом диспозитивности гражданского процесса, а потому единственным возможным выходом в соответствии с действующим законодательством является привлечение такого субъекта в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора.

Из анализа ст. 40 ГПК РФ следует вывод, что возможность вступления в дело соистца именно в таком качестве ограничена этапом предъявления искового заявления в суд. Однако как поступить суду в случае, когда лицо проявляет инициативу в защите своего права уже после того, как процесс инициирован другим лицом? Представляется, что такое ограничение, установленное законодателем, необоснованно ограничивает

¹ Нефедьев, Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства / Е.А. Нефедьев. – Краснодар, 2005. – С. 153–157.

² Нефедьев, Е.А. Указ. соч. – С. 136.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 N 99-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 4.

право на судебную защиту граждан. Процедуры вступления лица именно в качестве соистца в начавшийся процесс ГПК РФ не предусматривает. В то же время на практике встречается такой способ, как подача соистцом самостоятельного искового заявления с тождественными основанием и предметом иска (однако тождественность иска исключена ввиду нетождественности сторон) с последующим объединением дел в одно производство в порядке ч. 4 ст. 151 ГПК РФ. Но как быть, если лицо, которое является предполагаемым субъектом спорного материального правоотношения, являющегося предметом процесса, уже привлечено судом в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, и в то же время подает исковое заявление по рассмотренной выше схеме? Ведь подача таким лицом искового заявления при условии его принятия судом изменяет процессуальный статус этого лица со статуса третьего лица на статус соистца. Касаясь данного вопроса, отметим, что проблема изменения процессуального статуса лиц, участвующих в гражданском процессе, гражданским процессуальным законодательством решена не в полной мере. Вместе с тем представляется возможным согласиться с А. Юдиным в том, что трансформация третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, в соистца возможна и осуществляется путем подачи указанным третьим лицом самостоятельного искового заявления ответчику¹.

Вместе с тем стоит отметить, что в арбитражном процессе выход из аналогичной ситуации найден: ст. 46 АПК РФ устанавливает, что соистцы могут вступить в дело до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу в арбитражном суде первой инстанции. Способом вступления соистца в процесс является подача ходатайства о вступлении в дело соистца. При этом стоит обратить внимание на тот факт, что до принятия Федерального закона от 19.07.2009 № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» АПК РФ не предусматривал оснований для процессуального соучастия. Это можно объяснить тем, что АПК РФ в большей степени вобрал в себя положения французской концепции гражданского процесса. В соответствии с данной концепцией, как отмечал Е.А. Нефедьев², процессуальное соучастие есть институт сугубо процессуальный, и оно не обусловлено, в отличие от немецкого процесса, наличием предпосылок для его возникновения в материальных правоотношениях, являющихся предметом спора. По французскому праву процессуальное соучастие обусловлено требованием единства процесса, потому основания для процессуального соучастия возникают не до процесса, а непосредственно в нем: суд, рассматривая дело, решает, будет ли желательным соучастие непосредственно в этом деле или нет, способно ли будет соучастие в данном конкретном деле повлечь свои положительные последствия: упрощение, ускорение производства, облегчение труда суда и тяжущихся, уменьшение судебных расходов, предупреждение постановлений судами противоречащих друг другу решений, – или же наоборот, соучастие приведет лишь к излишней запутанности дела, затруднению деятельности суда. ГПК РФ же в ст. 40, наоборот, исходит из природы материальных правоотношений как основания возникновения соучастия. Вместе с тем для соединения дел в одно производство для совместного рассмотрения в соответствии с ч. 4 ст. 151 ГПК РФ наличия оснований ст. 40 ГПК РФ не требуется. Законодатель лишь указывает на однородность дел, тождественность сторон, возможность достижения правильного и своевременного разрешения дела в случае соединения дел в одно производство. В Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. содержалось аналогичное положение в статье 258, устанавливаю-

¹ Юдин, А. Указ. соч. – С. 10–14.

² Нефедьев, Е.А. Указ. соч. – С. 146–150.

щей недопущение соединения исков, имеющих разные основания. Из этой статьи Е.А. Нефедьев, основываясь на толкованиях Сената и иных положениях Устава, сделал вывод о допущении соединения дел в одно производство не только в случае тождественности оснований исковых заявлений, а вообще при наличии связи между рассматриваемыми делами. Эта связь, по мнению Е.А. Нефедьева, будет именно там, где суд признает соучастие в конкретном деле «удобным» и желательным. В указанных положениях Устава гражданского судопроизводства Е.А. Нефедьев как раз и видел проявление рецепции французского гражданского процесса¹.

Подводя итог, можем признать, что на сегодняшний день процедура вступления соистца в гражданский процесс нуждается в законодательном урегулировании. Имеющееся в законодательстве ограничение вступления соистца в дело лишь этапом предъявления совместного искового заявления в суд представляется необоснованно ограничивающим гражданина в его праве на судебную защиту. Решение этой проблемы путем законодательного установления процедуры вступления соистца в уже инициированный другим лицом процесс, как это было сделано в АПК РФ, устранил неясности и противоречия, имеющие место на практике, а также, несомненно, будет способствовать реализации права граждан на судебную защиту.

¹ Нефедьев, Е.А. Указ. соч. – С. 149.